

Те, кто валялся на кроватях с играми и голосовыми чатами, и те, кто читал внизу за столом, наконец перевели на него взгляд.

— Ты всё ещё не закончил чертёж? — в мягком голосе Юань Сыцзе прозвучало удивление.

— ... — Гэ Лян покосился на оставшихся двоих.

Взгляды Ван Е и Цзян Таня выражали то же самое. Вот только никакой мягкости в них не было — от этих двоих её и за всю жизнь не дождёшься.

— Блин, выходит, один я плетусь в хвосте? — Гэ Лян наконец осознал жестокую реальность своего аутсайдерства и с досадой опустил обратно за стол, продолжая обиженно бурчать: — И когда вы только успели втихаря всё начертить? Хоть бы меня позвали...

По успеваемости Гэ Лян в комнате отстающим точно не был, но стоило дойти до инженерной графики, как его руки будто переставали ему подчиняться. Каждая деталь на его чертежах выглядела так, словно обрела собственную волю и вот-вот оживёт.

Пока он тоскливо разглядывал очередной чистый лист ватмана, в телефоне звякнуло уведомление. Кто-то тегнул всех в чате Института.

[Институт машиностроения и энергетического машиностроения]

Деканат — Преподаватель Фу: Студент класса 19-го года направления «Машиностроение» Цзян Тань сегодня в полдень, не жалея себя, спас двоих тонущих студентов в бассейне Школы. В знак признания героического поступка Цзян Таня руководство Института приняло решение объявить ему официальную благодарность и выдать денежное вознаграждение в размере двух тысяч юаней.

— Уже и благодарность вывесили? — Гэ Лян ещё после обеда, как вернулся, наслышался о подвиге Цзян Таня. Короткое видео, на котором тот прыгает в воду ради спасения людей, уже облетело чаты всех групп Института машиностроения. Однако он не ожидал, что руководство отреагирует настолько оперативно.

— Сейчас во всём ценится эффективность, — Юань Сыцзе отложил телефон и сделал глоток из бутылки со всё ещё прохладной газировкой. — Не стоит откладывать дела на завтра. Кто знает, что вообще завтра случится.

— И то верно, — согласился Гэ Лян, который на собственном успел познать изменчивость этого мира. — Раз уж на Ван Е запала девчонка, да ещё и первая красавица нашего факультета, меня уже ничто не удивит.

Титул «первой красавицы Школы» за этой старшекурсницей парни из Института машиностроения признавать отказывались — для них она оставалась исключительно «красавицей факультета». Она считалась неприкосновенным достоянием Института машиностроения, и любого посягнувшего со стороны ждала неминуемая гибель. И только потому, что Ван Е был своим, да к тому же ещё не ответил ей взаимностью, ему пока удавалось избегать расправы.

И всё же...

— Слышь, Ван Е, — Гэ Ляну давно не давал покоя этот вопрос. — Что тебе в ней не нравится? Кожа белая, личико красивое, характер золотой, да ещё и учится на отлично. Встречаться с

тобой для неё — всё равно что благотворительностью заниматься, а ты ещё и нос воротишь?

В ушах жужжало так невыносимо, что Ван Е поставил игру на паузу и бросил на него раздражённый взгляд:

— Я вообще людей не люблю.

Гэ Лян:

— ...

Юань Сыцзе пожал плечами с видом «я так и знал».

Поладить с Ван Е действительно было непросто: он никого к себе не подпускал, и в их группе, пожалуй, до сих пор половину однокурсников не помнил ни по именам, ни в лицо.

Но от Цзян Таня он всё же отличался. Холодность Цзян Таня шла из самой глубины души и распространялась на всех без исключения. Ван Е же держался отстранённо только с «чужаками». Стоило ему признать в ком-то друга или бро, как он превращался в исключительно надёжного и преданного товарища — полная противоположность прежнему себе.

Юань Сыцзе искренне радовался, что за год с лишним совместной жизни в общежитии он, Цзян Тань и Гэ Лян попали в категорию «своих». Пусть даже ценой этого, похоже, было негласное правило: «бро — это не человек».

Гэ Лян знал Ван Е ещё лучше. В конце концов, они учились в одной и той же Школе в старших классах. И хотя они были в разных классах, Ван Е прослыл местным богом войны, подмявшим под себя всю Школу и окрестные заведения. Одно его имя наводило ужас, даже если тебя отделяло от него восемь классов.

Поэтому Гэ Ляну было особенно обидно за старшекурсницу:

— И что она в тебе нашла? Твой дикий характер? Или твои паршивые оценки?

В старшей Школе Гэ Лян обходил Ван Е за версту, а теперь вот набрался смелости и беззастенчиво поддразнивал его, не боясь схлопотать.

Ван Е поленился даже ответить.

Юань Сыцзе обратился к Гэ Ляну:

— Может, дело в его внешности? Или в фигуре? А может, её привлекает эта его аура ходячего тестостерона, как думаешь?

Гэ Лян, не обладавший ни одним из этих достоинств, упрямо помотал головой:

— Наша старшекурсница не такая поверхностная. За ней толпы бегали, и красавчики, и богачи. Ты хоть раз видел, чтобы она растаяла?

— Ну, значит, те красавчики были не так богаты, как он, а богачи — не так красивы, — парировал Юань Сыцзе.

Едва он договорил, как зазвонил его собственный телефон. На этот раз входящий вызов.

Юань Сыцзе тут же ответил, мгновенно сменив тон на нежный:

— Да, слушаю... Конечно, я с тобой...

Гэ Лян:

— ...

Ещё на первом курсе, переступив порог этой комнаты и увидев свирепого Ван Е, ледяного Цзян Таня и загадочно-нежного Юань Сыцзе, он должен был понять: комната 509 — не его тихая гавань.

Надо продолжать чертить. Сейчас только домашнее задание могло хоть как-то успокоить его растревоженную душу.

Гэ Лян пять минут сидел, кусая кончик карандаша и тупо глядя на белый лист.

Попытался начать заново.

Прошло ещё пять минут.

Тут Гэ Лян окончательно сломался — с каждым разом выходило всё уродливее и уродливее!

Бросив попытки разобраться самому, Гэ Лян подошёл к кровати Ван Е и шлёпнул свой очередной неудачный набросок ему на грудь:

— Да как, чёрт возьми, чертить эту хреновину?

Ван Е снова нажал на паузу. Одной рукой он взял с себя этот «черновик», а вторую протянул к Гэ Ляну.

Гэ Лян тут же вложил ему в пальцы карандаш. Движения обоих были настолько отточенными и скоординированными, будто они проделывали это уже далеко не в первый раз.

Ван Е сделал несколько быстрых штрихов, исправив пару неверных ключевых линий, слегка подправил общий контур — и деталь, которая только что выглядела готовой ожить и сбежать с листа, мгновенно приняла приличный, строго технический вид.

Гэ Лян не впервые видел, как Ван Е превращает откровенный мусор в конфетку, но всякий раз убеждался: такие вещи, как «талант» или «искра божья», действительно существуют.

Ещё на первом курсе Гэ Лян осознал, что ручное черчение для него — гиблое дело. Тут не помогали ни зубрёжка по ночам, ни подъёмы с петухами. К счастью, на направлении «Машиностроение» в реальной практике все пользовались специальными компьютерными программами, так что эту базовую дисциплину с ручными чертежами нужно было просто как-то пережить. Поэтому перед каждой сдачей работ он бегал по комнате и донимал расспросами любого, кто подворачивался под руку.

Со временем он заметил, что у каждого из соседей по комнате свой стиль. Цзян Тань сверялся с образцом и воспроизводил его строго один к одному с пугающей точностью. Юань Сыцзе тоже ориентировался на пример, но особо не усердствовал — лишь бы чертёж соответствовал базовым требованиям к работе.

Ван Е отличался от них обоих.

Ему было достаточно один раз мельком взглянуть на образец перед началом работы, после чего он, чёрт возьми, начинал чертить по памяти!

Поначалу Гэ Лян думал, что Ван Е просто раздражают его расспросы и он чертит начерно, лишь бы отвязаться. Но когда брал готовый лист в руки, понимал: хотя ювелирной точности Цзян Таня там не было, работа с лёгкостью превосходила наброски Юань Сыцзе. Создавалось впечатление, будто все параметры чертежа изначально были отсканированы и загружены Ван Е прямо в мозг.

И именно поэтому Ван Е чертил невероятно быстро, вообще не задумываясь.

Чертёж, на который обычно уходил час, дотошный Цзян Тань делал два часа, менее требовательный Юань Сыцзе — минут пятьдесят, а Ван Е справлялся всего за полчаса. Гэ Лян даже подозревал, что прояви Ван Е хоть немного больше терпения и прилежания, он без труда достигнет точности Цзян Таня, причём потратит на это в разы меньше времени.

Когда Гэ Лян только обнаружил у Ван Е эту суперспособность, он посчитал её обычным талантом. В конце концов, у этого парня хромали почти все предметы, так что иметь один любимый было делом вполне естественным.

Но позже, случайно увидев в компьютере Ван Е его собственные эскизы и наброски механизмов, он по-настоящему обомлел.

Наброски Ван Е не имели ничего общего с их унылой инженерной графикой. Это были настоящие произведения искусства, сочетавшие в себе поразительное воображение и эстетику механизмов. Подобные работы мог создать только профессиональный художник или первоклассный промышленный дизайнер — причём высочайшего уровня.

Однако Гэ Лян никому об этом не рассказывал. И у Ван Е он тоже не спрашивал, почему тот выбрал их техническое направление, а не поступил туда, где мог бы рисовать в своё удовольствие.

Боялся ли он задеть болезную тему, расстроить Ван Е или поставить всех в неловкое положение?

Нет.

Гэ Лян не отличался чуткостью Юань Сыцзе. Он просто понимал: Ван Е вряд ли захочет откровенничать, а если к нему лезть с расспросами, можно легко отхватить люлей.

Помог Гэ Ляну исправить чертёж, Ван Е вернулся к игре, увлечённо обустраивая свой виртуальный кошачий двор.

Разместив на экране очередную игрушку для питомцев, он заметил, что Гэ Лян всё ещё не ушёл. Нахмурившись, Ван Е поднял голову и увидел, что сосед задумчиво уставился на него, снова зажав в зубах кончик карандаша.

Ван Е не помнил, чтобы у Гэ Ляна была привычка грызть карандаш во время раздумий, но сегодня вечером тот явно обзавёлся этой дурной привычкой и предавался ей с особым упорством.

Стоило Ван Е бросить на него взгляд, как раздался негромкий хруст — Гэ Лян перекусил карандаш пополам.

Парень сам испугался, даже не заметив, в какой момент сжал зубы.

Он поспешно выплюнул обгрызенный кусочек дерева и обнаружил, что Ван Е пристально наблюдает за ним.

— Честное слово, я не со зла! Я не из-за чертежа на карандаше злость срываю... — Гэ Лян чувствовал, что теперь ему ни за что не оправдаться.

<http://bllate.org/book/18288/1753609>